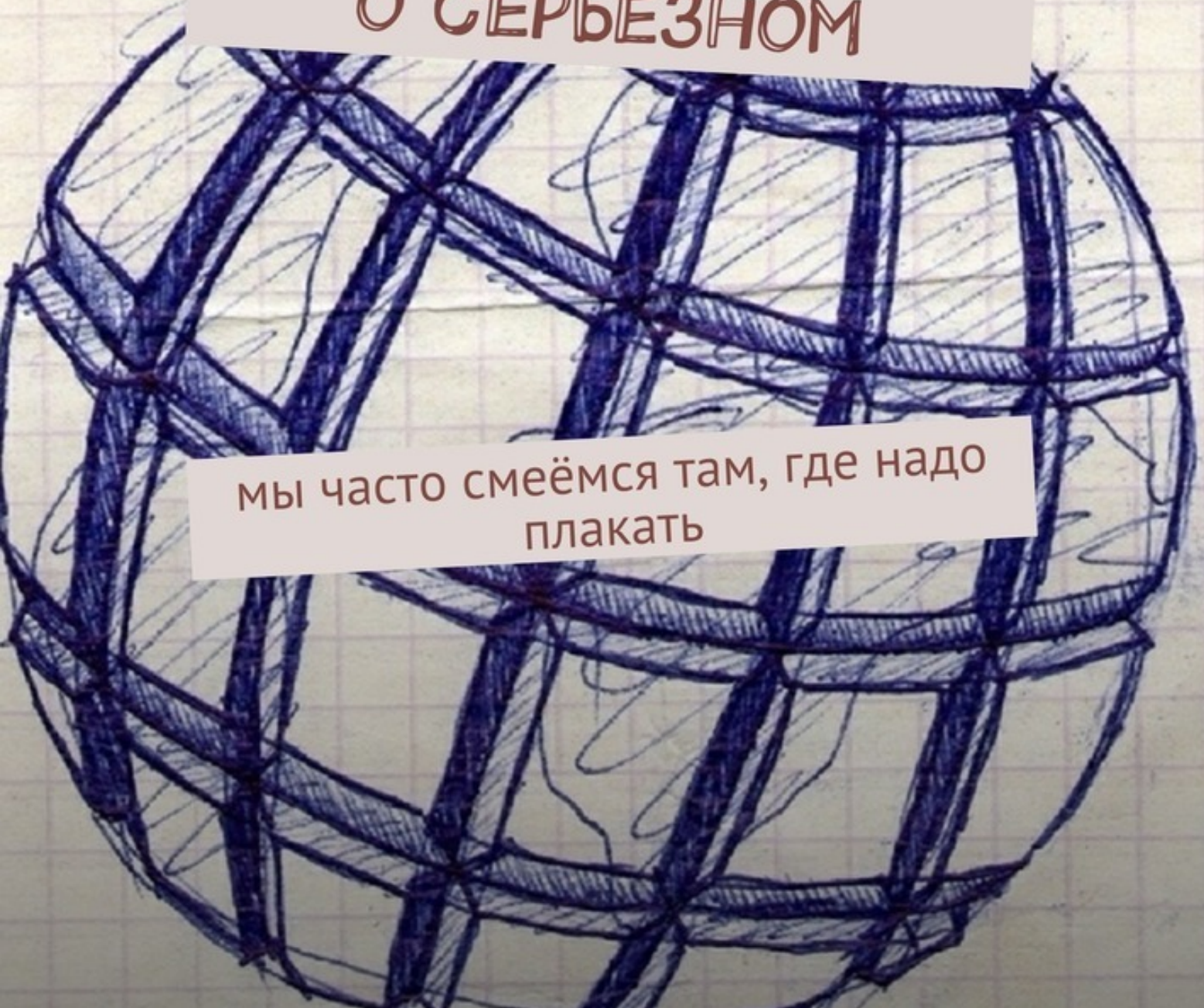

Сергей Серванкос

НЕСЕРЬЁЗНО
О СЕРЬЁЗНОМ

мы часто смеёмся там, где надо
плакать

Сергей Серванкос

**Несерьёзно о серьёзном. Мы часто
смеёмся там, где надо плакать**

«Издательские решения»

Серванкос С.

Несерьёзно о серьёзном. Мы часто смеёмся там, где надо плакать /
С. Серванкос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851964-2

Мы любим посмеяться над другими, кто-то охотно смеётся и над собой.
Только хотим мы или нет, порой то, над чем мы весело смеёмся, заставляет
потом горько плакать.

ISBN 978-5-44-851964-2

© Серванкос С.
© Издательские решения

Содержание

Быть или не быть?	6
Чужие	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Несерьёзно о серьёзном Мы часто смеёмся там, где надо плакать

Сергей Серванкос

© Сергей Серванкос, 2017

ISBN 978-5-4485-1964-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЫТЬ или не быть?

*«Не лгите друг другу. Снимите старую личность с её делами и облекитесь в новую личность, которая благодаря точному знанию обновляется по образу Сотворившего её»
(Колоссянам 3:9,10)*

События, которые перевернули нашу жизнь начались обычным сентябрьским утром. Я выбежал из дома, как всегда опаздывая на работу и думал, что бы сказать Мих Михочу, так мы между собой звали начальника смены Михаила Михайловича Воронцова. Возле входа баба Вера, как доблестный часовой на посту, тут же прореагировала на мой выход:

– Что, Сучков, опять на работу опаздываешь?

– Я Сурков. Ничего не опаздываю, у меня отгул сегодня.

– Ага, отгул за прогул. Не надо песни во дворе всю ночь горланить. Я всё участковому расскажу. Пусть выпишет тебе за нарушение общественного порядку. Ночью люди спать должны.

«Вот и спала бы себе, карга старая» – подумал я и побежал к автобусной остановке.

Когда уселся на свободное место возле окна в разбитой маршрутке, продолжая обдумывать варианты оправдания своего опоздания, вдруг услышал душераздирающий крик женщины говорившей по сотовому. Она бросила телефон и выпучив глаза орала, как ненормальная, тыча пальцем в ладонь своей руки:

– Господи! Что это?

Я посмотрел на её ладонь, но ничего не увидел. Женщина продолжала орать, водитель резко затормозил, все обступили потерпевшую.

– Что случилось? – спрашивали её.

– У меня палец пропал, – орала женщина, тыча в ладонь.

Тут я увидел, что у неё нет мизинца, невольно глянул на свою ладонь и похолодел от ужаса. У меня не было левого мизинца. Самое странное, что я не чувствовал боли или какого-то неудобства. Посмотрев по сторонам, увидел, что некоторые пассажиры тоже недо считывались пальцев на руках.

– Что это? – визжали женщины.

– Не иначе вирус какой-то новый, коленвал его дерит! – пробасил водитель, разглядывая свою четырёхпалую кисть. – Мигом все из маршрутки! Я в поликлинику, коленвал её дерит!

– Мы с вами! – заорали дружно пассажиры.

В поликлинике был переполох. Все, с поредевшими конечностями, рвались к врачу. Плач, истеричные крики, духота и теснота сводили с ума. Я попытался занять очередь к терапевту, но оказалось, что он сам лишился уже кисти и находится в долгосрочном обмороке. Пока ему оказывали помощь я сел на кушетку у стены. Рядом сидел молодой парень. Он плакал.

– Ты чего? – спросил я.

– Я знаю из-за чего это. Почему я мать не слушал?! – он уткнулся в колени и зарыдал.

– Ты знаешь! Так скажи, что это? – стал я тормошить его за плечи.

Он выпрямился, вытер нос рукавом левой руки, тут я увидел, что правой у него нет вообще. Парень всхлипывая стал не спеша говорить:

– Я у вокзала напёрстками промышляю. Сегодня утром нашёл пару лохов и хотел их развести. Один ещё спросил: «А вы не обманите?», я: «Нет, конечно». Тут у меня мизинец исчез, я думал показалось. Стал напёрстки крутить, одного облапошил, безымянный пропал. Думаю, вчера дури перебрал, теперь мерещится чепуха какая-то. Второго облапошил, смотрю средний исчез. Тут бы остановиться и мать вспомнить. Она мне всегда говорила, что не доведут меня до добра эти махинации. Так нет же, как же я брошу, если клиент просит ещё и ставки

повышает! Когда кисть исчезла, я хотел сбежать, а эти полоумные, словно слепые, орут: «Давай ещё!» А чем давать – кисти нет, напёрсток нечем брать. Я им говорю, что патруль идёт, сейчас повяжут. Подействовало, лохи сбежали, а у меня руки по локоть не стало. Пока сюда ехал таксисту не заплатил, сказал, что нечем. Вот без руки и остался.

– Ты хочешь сказать, что когда вре́м исчезает тело?

– Ага.

Я вспомнил ответ бабе Вере и посмотрел на место, где раньше был мизинец на моей руке. Если это правда, то надо просто больше не врать. Такой вывод меня немного успокоил, я стал пробираться к выходу. Народ всё прибывал.

Выйдя на улицу, я направился домой. На лавочке перед подъездом сидело два туловища. Одно было в платье бабы Веры и с её головой, но рук и ног у него не было. Рядом такое же тело бабы Сони из соседнего подъезда. Они оживлённо обсуждали последние новости, а их тела медленно укорачивались. Я быстро проскочил мимо, но был замечен бдительными старушками. Не расслышанные мною слова, видимо, были не совсем правдой, потому что у бабы Веры исчез нос, а у бабы Сони левое ухо.

Забежав домой, я тут же включил телевизор. На всех каналах шли специальные выпуски новостей. По местному каналу наш мер, точнее его голова в сером костюме от Армани заверяла нас, что ситуация под контролем, но на очередной фразе у мера исчез рот и его голова замолчала, а потом и вовсе исчезла, так и не докатившись до конца передачи.

Это исчезновение меня напугало. Получается врать нельзя даже в уме, а это значит... Я стал судорожно осматривать своё тело и в ужасе обнаружил, что нет мизинцев на стопах обеих ног. Варианты для Мих Михыча не прошли бесследно.

А на экране телевизора показался ещё один колобок, в отличии от мера он был в рясе от Армани, но речь святого колобка была тоже не долгой. Как только он сказал, что всё это кара небесная за наши грехи, как тут же растаял, только ряса чернильным пятном растеклась по полу.

Я был в ужасе. Быстро выключил телевизор и залез в шкаф, так я прятался в детстве, когда родители оставляли меня одного. В темноте, за пыльными плащами и пальто я сидел и думал, как жить дальше. Ведь, если исчезнет ложь, придётся заново учиться жить, а если ложь останется, то исчезнем мы.

Чужие

*«Они в недоумении, потому что вы уже не бежите с ними в тот же омут разгула, и говорят о вас оскорбительно»
(1Петра 4:4)*

В нашей деревне Путеево ЧП: семья Фёдора Свистулькина посинела! Ей богу! Вот так прямо в один миг все посинели! Сам Фёдор, его жена Марфа и трое детишек. Не в том смысле, что померли, а в буквальном, синими стали, как кабачки, с головы до пят. То ли самогон некачественный попался, то ли «Аватара» насмотрелись, то ли «Тайда» вместо манки накушались. Одним словом – ЧП!

Вызвали докторов, те охают-ахают, руками разводят, ничего не понимают, говорят: «Неизвестный феномен». Местный экстрасенс – бабка Акулина говорит, что печень сбой дала надо отвар из майских лягушек в ноябрьской росе сделать и пить по капле с нового года до следующего, через пару лет всё как рукой снимет; короче, на том и порешили, стали мая ждать, чтоб лягушек наловить.

Понемногу к синеве Свистулькиных стали привыкать, к тому же собутыльник он был отменный, опять же, на гармошке так играл, что ноги сами в пляс просились, а его Марфа была первой певуньей на деревне; бывало, подопьёт, как запоёт в три часа ночи, три соседних деревни вокруг просыпаются.

А ещё Свистулькины славились семейными скандалами, было на что посмотреть: мат-перемат, Фёдор окна громит, Марфа посуду об его голову, а дети визжат, как резанные. А тут ещё и в синем цвете всё – кино, да и только!

Прошёл год, майсконоябрьский отвар из лягушек по капельке убывал, а синева не сходила, да и не особо хотелось уже от неё избавляться, ведь Свистулькины стали местной достопримечательностью, на всех свадьбах и гулянках рядом с хозяевами на почётных местах. Опять же, ну и что, что синие, все когда-то посинеем, родные они – путеевские, стало быть, свои.

Но вот однажды уехали Свистулькины в область на какой-то слёт лучших людей края и пробыли там около месяца, а когда вернулись, что-то с ними сделалось не так. Нет, синева осталась, а вот с мозгами прямо беда, какими-то странными они стали.

Первое, что по глазам резануло, одеты странно. Дети все чистенькие такие, в новеньких костюмчиках, Марфа в модном платье, с нафуфыриной причёской, да и сам Фёдор не в промасленной фуфайке, а в пинджаке, галстучке, морда выбрита до синевы, ну, прямо – Ален Делон. Ладно, понятно, с города приехали, так они и на следующий день тоже отутюженные и выбритые до синевы вышли, и через неделю, и через две.

В деревне забеспокоились, что-то с нашими Свистулькиными не так, а когда Фёдор стал от самогонки отказываться, а Марфа ни разу за это время соседней песней не разбудила, да к тому же, ни одного матюка от них за месяц никто не услышал, а только: «Спасибо! Извините! Пожалуйста! Будьте добры!», тут паника началась.

– Их зомбировали там, – заговорческим шёпотом сказал местный пастух Митроха, собирая стадо у края деревни.

– Точно закодировали, – поддержала его Фёкла, здоровенная баба, знавшая всё и вся про всех в деревне.

– А, я знаю, это когда ампулу вшивают и, если выпьешь, то сразу кранты, – сказал счетовод Петрович, которого жена каждое утро выгоняла вместе с Бурёнкой со двора, крича вслед: «Иди мозги проветри, чтобы недостачи не было!»

– Это тебе ампулу надо в башку вшить, – пробасила Фёкла. – В секту они попали, вот там их и закодировали, поэтому теперь пей – не пей, всё равно – кранты! Пропали Свистули!

Не успели коровы скрыться за ближайшим перелеском, как вся деревня уже знала, что Свистулькины стали сектантами. Дети были предупреждены, деньги попрятаны, верующие протёрли иконы в красных углах и стали чаще креститься, а неверующие, тоже стали креститься, на всякий случай и сплёвывать через правое, а потом через левое плечо, местный батюшка провёл молебен за их упокоение, тьфу ты, Господи, за их выздоровление, а участковый Семёныч записал в ежедневнике дату несанкционированного обыска на предмет обнаружения экстремистской литературы (на всякий случай).

Меры были приняты, возмущение росло, а Свистулькины продолжали пугать народ своими причудами: год к концу, а у них ни одного скандала, ходят улыбаются, постоянно трезвые, нарядные, дети не визжат, окна и посуда целые, выручки в сельпо упали.

Деревня заскучала, потом сильно заскучала, а когда сосед Свистулькиных – дед Григорий тоже пить перестал и самосад курить бросил, тут такое началось, что обвал рубля и повышение цен отдыхают!

– Мама родная, это что же делается? – кричала Фёкла на утренней сдаче скота в ведение пастуха Митрохи. – Этак они нас всех закодируют! Гнать их из деревни надо!

– А что, – несмело пропищал счетовод Петрович. – Я с Фёдором давеча говорил, интересные вещи гутарит, к тому же, опять же пить бросил!

– Вот, вот, – накинулась на него Фёкла, прижав огромной грудью к забору. – Сегодня пить бросил, завтра жену и деток бросит, а послезавтра Родину предаст!

После этого в деревне Свистулькиным объявили негласный бойкот: на свадьбы не зовут, на улице не здороваются, детям в школе оценки занижают, Марфе и Фёдору с утра до ночи на лавочках косточки промывают, на работе не платят, мне, правда, тоже.

Только вот беда, не все у нас в деревне политически сознательные, есть отщепенцы. Счетовод Петрович стал к синюшным похаживать на оргии, как просветила Фёкла нас о их страшной вере, потом его жинка, видимо, спасти мужа пошла и сама пропала. Теперь корову по утрам гоняет, мужа уважает, голос на него не повышает, тьфу, смотреть тошно, не баба, а тряпка стала.

А на прошлой неделе всполошился Семёныч, наш участковый, потому что Бык (Вован Быков) уже полгода не пьёт, тоже в галстук ходит, а у Семёныча раскрываемость преступлений резко упала. Раньше, что случилось: украли там что, избили кого; участковый сразу к Быку: «Твоя работа?», а тот с перепоею: «Не помню, начальник, как домой попал», вот и всё – дело раскрыто. А теперь, Семёныч не знает что делать, жизнь идёт, как обычно, люди воруют, дерутся, а у Быка алиби: «Был у Свистулькина на собрании», а ты хоть тресни, со своей раскрываемостью!

Отец Борис, наш местный священник, поначалу спокойно отнесся к идеологической синеке Свистулькиных; они к нему в церковь не ходили, да и дед Григорий тоже не его, счетовод с женой были атеистами, а Бык вообще его попом обзывал, так что туда ему и дорога, пусть в гиене сгорит огненной вместе с хриstopродавцами. Но, когда его правая рука, матушка Серафима стала Библию читать и вопросы задавать, тут батюшка вспомнил о своей святой обязанности паству защищать от тлетворного влияния Запада. Он быстро организовал крестный ход вокруг дома Свистулькиных, когда у них там очередная оргия проходила. Вместо икон его верные бабульки несли плакаты: «Долой сектантов!», «Наша вера правая!», «Янки гоу восво-яси!», «Голубым здесь не место!»; они громко пели псалмы, так что в трёх соседних деревнях все перекрестились, даже те, кто были неверующими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.